

Учит. газ. - 1996 - 30 апр. - с. 24.

«Такая музыка с утра...»

Во все времена художник искал единомышленников. Но, находя их, все-таки оставался один и одинок. Особенно если это истинный талант, который не нивелируется и не дробится в сообществах и ансамблях. Но некая общность по духу непременно дает удивительные открытия миру, являя не только творения совместные, но и личность, как бы вовремя сохраненную и спасенную от отчаяния и забвения. Не буду далеко ходить за примерами, ибо в этой жизни имею пример свой собственный и друзей своих.

Расскажу о поэтическом содружестве нескольких поэтов из Минска, Риги, Москвы и Новосибирска. Все они выросли из уникального явления, подаренного нынешним временем, - авторской песни. Многолетняя дружба стала не только добрым очагом беспринципным поискам молодых стихотворцев, но и возрастала необходимость запечатлеться в истории, сплотившись еще теснее на страницах поэтического сборника «Весь», который в свою очередь послужил толчком к созданию отдельного издательства с этим названием. Вышла эта книга в Риге, в издательстве «Полярис» (уже достаточно популярном в сегодняшнем книжном мире), в 1992 году. Таким образом, необходимость друг в друге нескольких людей подарила нам содружество совершенно разных поэтов: Михаила Гончарова, Андрея Анпилова, Михаила Карпачева, Елену Казанцеву, Дмитрия Строцева, Алексея Захаренкова, Марину Гершенович.

За эти четыре года почти у всех появились свои сольные книжечки. Андрей Анпилов сделался настоящим писателем, Дима Строцев - настоящим подвижником в деле организаторском и издательском, Марина Гершенович пишет пьесы для новосибирского детского театра «Смайлы», в котором работает завлитом. Но само существование «Веси» как факта в жизни каждого из них дает возможность, представив всех, рассказать о каждом. Именно этой возможностью я пользуюсь и сегодня представляю самую далекую по географическому расположению точку этого созвездия - поэта из Новосибирска Марину ГЕРШЕНОВИЧ.

* * *

Долгое время знакомство со стихами Марины Гершенович было прерогативой избранного круга людей, так как услышать их можно было только на редких концертных выступлениях или поэтических вечерах, устраиваемых чаще всего друзьями или людьми, связанными с движением авторской песни, в которой и Марина, как многие тогда, совершала свои первые шаги и к себе (в поэзии), и к людям (на сцене). Поэтому немногим Марининым песням в каком-то смысле повезло больше, чем многим ее стихам. Стихи очень трудно шли к читателю. Вероятнее всего потому, что Марина - поэт по призванию и по бытию, и мало заботилась о том, состоит она или не состоит в каких-либо писательских союзах или литературных объединениях.

Живет она почти на окраине Новосибирска. Весь круг ее общения: сын, муж да несколько близких друзей, разбросанных по всему свету, две собаки и многочисленные растения в горшочках. Поэтессой я назвать ее не могу. Только - поэт. Просто не умещается она слогом и мышлением своим в любовно-лирические рамки, да и не только в этом дело. Само право затрагивать и ответственность разрешать глубоко философские вопросы, волнующие человечество на протяжении всей истории культуры и искусства, даются только поэту - той Высшей Волей, которая вправе давать или не давать человеку задумываться на эту тему.

В этом году вышла первая ее самостоятельная книжка «Разговоры на распутье». У этих стихов началась новая жизнь, и путь к ней пройден по всем историческим канонам: от изустного - к напечатанному. Так, стихи от младенческого, беспомощного состояния, когда их носит сам поэт в своем голосе и сердце, перешли к зрелому возрасту и, встав на ноги, по Воле Божьей, входят в любой дом и остаются там жить или идут дальше, как переходящие калитки.

Что дает поэту самостоятельная жизнь его произведений - понятно. Прежде всего - определенную свободу от них, так нужную для произрастания новых ростков души и ее воплощения. А что давали Марине ее не частые, но очень яркие выступления на сцене, где никакой защищенности от мира, даже гитары, - только она, ее голос и ее стихи?

МАРИНА: Самое большее, что они дают, - поддержку, благодаря которой уходит страх, что ты в небытие, как человек, как творческая личность.

- А когда к тебе пришло осознание себя поэтом? Ведь эта данность, насколько я знаю, не подкреплена ни специальным образованием, ни особым признанием?

МАРИНА: В принципе я не думала об этом. Мечтала быть профессиональной пианисткой. Но очень рано поняла, что это невозможно в силу многих и многих обстоятельств. И догадка, может, даже еще не осознание того, что мною мир видим как-то особенно, не так, как другими, пришла тогда, когда окружающие особенно активно пытались меня убедить в нездоровье моего мышления: моих стремлений, интересов, отношения к социуму в конце концов, назвав это просто шизофренией. Все это я говорю чисто о творчестве.

Но все же я не считаю себя самородком. Самородок он и есть самородок: возник, появился. У меня такого ощущения нет. У меня столько сил уходит на то, чтобы просто быть поэтом, что думаешь, может, я и не поэт даже. Ведь я так часто читаю: птичка певчая не знает ни заботы ни труда - ведь все это, должно быть, вроде как лежа на диване?! Раз - и...!

Несколько лет назад мне довелось слышать такую фразу, что в Сибири вообще не может родиться настоящий поэт. Это говорил какой-то журналист, печатавшийся в газетах. И тогда меня эта фраза удивила, даже напугала. Я подумала, ну что же я-то трепыхаюсь, ведь сказано, что в Сибири... И у меня нет желания доказывать обратное, я просто устала.

- Скажи, а стихи помогают тебе в жизни или мешают? Или все же это существует параллельно, не соприкасаясь?

МАРИНА: Я знаю, что в моем одиночестве, если таковое допустимо в будущем (потому что сейчас как раз наоборот - я очень уплотнена людьми), они не будут ни мешать, ни помогать - это будет некая адекватность.

Когда я с людьми нетворческими нахожусь в очень тесном контакте, стихи, само мышление стихами, мне мешают. Тогда их искусственно нужно отодвигать на задний план, если ты действительно хочешь общаться с людьми, просто жить, иначе это невыносимо и несовместимо.

- Значит, стихи для тебя - это нечто постоянно присутствующее, а все остальное - прилагается?

МАРИНА: Да, это так.

Но по-настоящему раскрыть мир художника могут только его творения, поэтому предоставляю самое главное - рассказать о поэте его стихам из нового поэтического сборника «Разговоры на распутье».

Елена ФРОЛОВА



Марина ГЕРШЕНОВИЧ

Все горше звук и голос ниже, - то колокол в рассветной нише перешагнул порог молчания и боли... Протяжней ветра в чистом поле тот звон и гул.

Звони, звонарь, повсюду люди. Не тишина, так гром орудий сведут с ума. Он, колокол, поет на счастье, пускай поет, он языкастей, чем жизнь сама.

Он, окаянный, знает силу, ты бьешь в него, он бьется с тылу с тобой; он крепко держится за небо и голосит не ради хлеба и ни по ком.

* * *

Аукается тишина, как будто где-то, рядом где-то трепещет тонкая струна, непозабывая, задетая случайно, нервная струна.

Такая музыка с утра. Дожди, холодные скворешни, грибочки мокрого двора - мое родное побережье разтрепанное в пух и прах, что дивный джаз во время оно. Саднит гортань, и на губах вскипает пена саксофона.

Какому надо пустяку к какому берегу причалить, когда окрестную тоску разбитой лодкою качает?

По эту сторону окна мой певчий зяблик, мой сторонник молчит. Колеблется струна, герань врастает в подоконник. Здесь, за кирпичной стеной, любая живность мной искама, здесь замурована в одной из старых стен, в одной из комнат какая-то большая глушь...

Где голос зяблика? Слова не важны, спой мне, птичка, спой мне! Твоя ли правда, что сперва и прежде чем запеть, был пойман?

Но нет на то моей вины, о покаянии не мыслю - есть нечто близкое по смыслу, как трепетание струны.